

СЕМИНАР ТУЛЕ:

Европа между хаосом и иерархией

Сборник программных текстов «Семинара Туле»

(Пьер Кребс, Петер Биндинг, Джорджо Локки,

Гийом Фай, Ричард В. Айхлер)

ТОТЕНБУРГ
МОСКВА 2026

УДК 329.11
ББК 66.1(0)
С30

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

Перевод с немецкого — Андрей Васильченко

С30 Семинар Туле. Европа между хаосом и иерархией. Сборник программных текстов «Семинара Туле». — М.: Тотенбург, 2026. — 204 с.

Настоящий сборник объединяет ключевые тексты «Семинара Туле» — интеллектуального объединения, поставившего своей целью радикальный пересмотр оснований западной культуры. Отвергая универсализм, эгалитаризм и общество потребления как проявления единой «диалектики смерти», авторы предлагают альтернативу, укорененную в учении о дифференциации, органической иерархии и этнокультурной идентичности.

От мировоззренческой критики равенства (Кребс) и диагноза европейского самоотчуждения (Биндинг) до переосмысления истории как «трехмерной временности» (Локки), от экономической модели, подчиняющей рынок политической воле (Фай), до анализа современного искусства как орудия культурной революции (Айхлер) — этот сборник представляет собой систематическую попытку сформулировать антиэгалитарную философию жизни, действия и творчества.

Опираясь на наследие Ницше, Эволы, Сент-Экзюпери, Шпенглера и Хайдеггера, авторы бросают вызов господствующей идеологии «конца истории» и провозглашают необходимость нового начала — самобытной Европы, обретшей свою подлинную идентичность.

**УДК 329.11
ББК 66.1(0)**

© Андрей Васильченко,
перевод с немецкого, 2026
© Издательство «Тотенбург», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пьер Кребс, председатель «Семинара Туле»</i> ПРЕЗЕНТАЦИЯ «СЕМИНАРА ТУЛЕ».....	4
---	---

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

<i>Доктор Петер Биндинг</i> ОБРЕТЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ. ЕВРОПА МЕЖДУ САМООТРЕЧЕНИЕМ И НОВЫМ САМООПРЕДЕЛЕНИЕМ	15
---	----

ФИЛОСОФИЯ

<i>Пьер Кребс</i> ОРГАНИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК АЛЬТЕРНАТИВА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭВОЛЫ, ПРОЕКТЕ НИЦШЕ И ПОСЛАНИИ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ	38
---	----

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

<i>Доктор Джорджо Локки</i> О СМЫСЛЕ ИСТОРИИ	117
---	-----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Доктор Гийом Фай</i> ОТ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ К ОРГАНИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКЕ	146
--	-----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Профессор Ричард В. Айхлер</i> СОВРЕМЕННОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО НА ПРИЦЕЛЕ У КУЛЬТУРНЫХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ	164
---	-----

ПРЕЗЕНТАЦИЯ «СЕМИНАРА ТУЛЕ»

Вступление

Миф раскрывает историю, а человек становится выше своих богов благодаря связи с предками, своей землей, ветром и камнями. Ведь только потомки и их дела способны привести к вечности.

В сущности, человек может постичь всеобщее, только осознав свою собственную идентичность. Только взаимосвязь идентичности и этнокультурного многообразия создает подлинность человеческого бытия.

Диалектика жизни — это диалектика эволюции. Она подчиняется законам многообразия. Диалектика смерти — это диалектика упадка, для которой, в свою очередь, действуют законы энтропии.

Трагедия современного мира — это трагедия не-верности: выкорчевывание любой культуры, отчуждение от сути, атомизация человека, уравниловка ценностей, унификация жизни.

Критическое и всестороннее осмысление современного знания — от философии до этологии, от антропологии до социологии, от естественных наук до истории и педагогики — должно, следуя строгой интеллектуальной дисциплине эмпирического метода, способствовать осознанию всеобщего мирового хаоса.

Именно этими основными идеями и занимается «Семинар Туле». Будучи открытым к интеллектуальной жизни нашего времени и критичным ко всем идеологическим догмам, он в своих исследованиях чувствует себя обязанным западной культуре.

Идея как знак нашего созидания

«Семинар Туле» будет стремиться прояснить фундаментальные вопросы в рамках движения идей. Наша цель — новое определение ключевых понятий культуры и выявление новых альтернатив коренным проблемам современности. В этом мы опираемся на все новые и существенные элементы знания во всех областях мысли. Нас вдохновляет критический дух, чуждый любой идеологической, политической или тем более полемической аргументации.

«Семинар Туле» рассматривает науку отнюдь не как самоцель или как некоего деспотичного властителя дум. Скорее, это перспектива, полезное и рациональное средство для постижения реальности мира и жизни. Мы подчеркиваем единство науки и необходимость интегрировать ее отдельные области в единую, цельную систему мышления, вместо того чтобы изолировать их друг от друга. Следовательно, существует преемственность, например, между историей и социологией, социологией и этнологией, этнологией и генетикой, генетикой и антропологией, антропологией и молекулярной биологией, молекулярной биологией и органической химией и так далее.

Мировоззренческая альтернатива

Наше мировоззрение опирается не на какого-то одного теоретика, а на определенный круг идей и открытий. Эти идеи относятся к отдельным, дополняющим друг друга областям знания в рамках специфического наследия всех европейских ценностей. Мы опираемся на исследования и результаты тех мыслителей, которые не предлагали догматического толкования мировых событий. Среди них: Фридрих Ницше и Карл Поппер, Освальд Шпенг-

лер и Юлиус Эвола, Людвиг Витгенштейн и Бертран Рассел, Алексис Каррель и Якоб фон Икскуль, Конрад Лоренц и Арнольд Гелен, Ганс Айзенк и Луи Ружье, Вильфредо Парето и Гельмут Шельски, Жорж Сорель и Макс Вебер, Жорж Дюмезиль и Мирча Элиаде, Эрнст Юнгер, Фридрих-Георг Юнгер и Анри де Монтерлан, Готфрид Бенн и Эзра Паунд, а также Мартин Хайдеггер и Жюль Моннеро, Вернер Зомбарт и Карл Шмитт, Джузеппе Преццолини и Пьер Жозеф Прудон, Николас Лаховари и Жан Пиаже, Стефан Георге, Антуан де Сент-Экзюпери, Дэвид Герберт Лоуренс и другие.

Философская альтернатива

Наша новая школа строит свою философскую систему, по крайней мере в области этики, ориентируясь на досократиков, стоиков, Шопенгауэра и Ницше. В теории познания она учитывает эмпирическое течение — как философию Николая Гартмана, подтвержденную современной биологией, так и «гипотетический реализм» (Кэмпбелл/Лоренц). Мы также опираемся на критицизм, выросший из французского позитивизма, и аргументацию логического эмпиризма Венского кружка. Все это служит для формирования ныне структурированного номиналистического и экзистенциального взгляда на мир.

Наш номинализм утверждает обусловленность понятий и идей соответствующими этнокультурными нормами. Наш экзистенциализм понимает человека в рамках культурного наследия и этнической структуры. Они дают ему как открытость миру, так и связь с идентифицирующим его происхождением. Человек волен принять это наследие или отказаться от него, но изменить свое происхождение он не может.

Наша новая школа подчеркивает первичность жизни над всеми существовавшими до сих пор мировоззрениями. Мы утверждаем превосходство души над духом, чувственного восприятия над интеллектом и, наконец, характера над рассудком.

Социологическая альтернатива

Наша новая школа учитывает научные достижения последних лет и открывает дискуссию о неоднократно подтвержденных следствиях законов наследственности. Мы оцениваем перемены, вызванные этологической революцией и наукой о поведении. Опираясь на эти достижения, мы вносим вклад в разработку нового общественного договора в рамках теории дифференциации, принимая во внимание также исследования недавно возникшей социобиологии. Мы вскрываем главную проблему педагогической ответственности и разрабатываем форму воспитания, свободную от всех бихевиористских теорий и основанную на новом понимании авторитета. Мы формулируем свою позицию по вопросам элиты, власти и управления. Мы подчеркиваем, что искусство — это не галлюцинация и не снобизм, не иступление и не отупление. Мы объясняем, почему выступаем, например, за Тремуа (а не за Бойса), за Вигеланда (а не за Цадкина).

Наша новая школа будет стремиться разъяснить, почему мы противостоям Франкфуртской школе (Макс Хоркхаймер, Теодор Адорно, Эрнст Блох, Юрген Хабермас). Почему мы опровергаем неомарксистский анализ Герберта Маркузе, фрейдомарксизм Эриха Фромма и Вильгельма Райха, а также примитивные утопии Ивана Иллича. Почему мы обличаем фрейдистскую схоластику. Почему мы намерены критически исследовать теорию культурной и гражданской власти Антонио Грамши. По-

чему мы ставим под сомнение эгалитарный неомифизм. Почему мы разделяем строго научную экологию и идеологическую. Почему мы оспариваем почти апокалиптические заявления Римского клуба. Почему мы осуждаем общество потребления. Почему мы вскрываем почти катастрофические последствия американского влияния. Почему мы отвергаем как советскую Европу на Востоке, так и американизированную Европу на Западе. Ибо «Семинар Туле» провозглашает европейскую Европу, которая должна осознать свою идентичность и свою судьбу.

Альтернатива тоталитаризму светского или иудеохристианского толка

Из этого следует, что наша новая школа решительно отмежевывается от систем абсолютистского толка. Они подразумевают идею детерминизма, единственной истины или монотеизма, в чем мы и видим истоки тоталитаризма. Наша новая школа также придерживается мнения, что общий знаменатель всех этих систем — универсализм, то есть учение о равенстве. Будь то аристотелевского, фомистского, иудеохристианского или марксистского происхождения.

Наше мировоззрение ставит под сомнение все тоталитарные учения, потому что они отрицают многообразие мира, культурные особенности и этнические различия. Они стремятся втиснуть волю и самобытность отдельных народов в одну-единственную, всеобъемлющую, ограничивающую истину.

Наша новая школа видит за кризисом церкви еще более глубокий кризис христианской теологии. Она больше не способна согласовать свои противоречия и догматические утопии с объективной реальностью и на-

учными достижениями. Мы хотим внести свой вклад в ослабление идеологий.

Помимо тоталитаризма, наше мировоззрение ставит под сомнение то, что обычно называют редукционизмом. Фрейд сводит поведение к сексуальным подавлениям. Марксисты сводят историю к господствующей экономической доктрине. Расисты сводят культуру к генетическим предпосылкам. Мы же, напротив, утверждаем, что человек обладает существенной для него свободой выбора. Она действует в рамках его биологических, генетических, психических структур и в рамках его экологической среды. Именно эта свобода выбора и делает его существом культурным.

Экономическая альтернатива

Наша новая школа обличает общество тотальной меркантилизации, чья шкала ценностей основана на так называемом экономизме. Вопреки мнению, укоренившемуся как на Востоке (марксистский коллективизм), так и на Западе (либеральный капитализм), будто этот экономизм — двигатель истории, мы утверждаем, что человек — и только человек — был и остается творцом истории. Опираясь на идею органической экономики, «Семинар Туле» описывает альтернативу как коллективистско-тоталитарным, так и капиталистически-либеральным системам.

Историческая альтернатива

Таким образом, наше мировоззрение утверждает право народа на отличие, то есть право сохранять свои этнические особенности. Это ведет нас, с одной стороны, к исследованию и переоткрытию нашего происхождения, а с другой — к новому определению европейских ценно-

стей, мировоззрения и познавательной силы индоевропейцев. Наша новая школа намерена проследить этнические, исторические, культурные и мифологические структуры индоевропейского мира вплоть до их истоков.

Наша новая школа подчеркивает: история — это отнюдь не что-то далекое и чужое. История — это «прежде» мира, которое помогает лучше понять его нынешние формы, ценности и его «после». История — это не витрина и не музей. Это взаимодействие между прошлым и настоящим. Она может строить предположения о будущем до тех пор, пока данный народ не изменил свою генетическую субстанцию. Именно этнокультурный распад ведет к разрыву преемственности поколений.

Альтернатива универсализму

Мы отстаиваем точку зрения, что смысл жизни и истории коренится исключительно в действиях, которые определяют их ход. Воля придает жизни направление в той же мере, в какой она придает смысл истории. Даже более сильная воля, более смелое предприятие или более дерзкая идея способны придать истории иной ход, иное развитие, иной смысл. Это подразумевает взаимосвязь человека и истины, человека и народа (то есть также среды и культуры). Этот ход мысли необходим, поскольку народный плюрализм предполагает плюрализм как ценностей, так, соответственно, и самого понятия истины. Из этого следует, что понятие истины одного народа никоим образом не обязательно должно быть определяющим для другого: разным психическим складам соответствуют разные восприятия мира, разное понимание человека в его связи с космосом, разное понимание жизни в ее отдельных проявлениях, разное понимание смерти с ее последствиями. В то время как учение о равенстве стре-

мится к Абсолюту и Тоталитарному, учение о дифференциации принципиально делает акцент на относительности и особенности. Пока учение о равенстве связывает и унифицирует, учение о дифференциации хочет подчеркнуть идентичность и специфику. Пока учение о равенстве концентрирует и планирует, учение о дифференциации заботится о структурировании и автономии. Понятие истины в учении о равенстве абсолютно, тогда как в учении о дифференциации оно случайно. Первое идеологично (идея заслоняет собой человека), второе органично (человек сохраняет приоритет).

Культурная альтернатива

Наша эпоха — это эпоха масс, где все равнозначно, анонимное общество обезличенных людей, то есть индивидов. Учение о равенстве производит в массах общество потребления. Это побудило Конрада Лоренца сказать, что такое общество несет с собой «теплую смерть», поскольку перед лицом упомянутой равнозначности оно способствует и поощряет безропотность, равнодушие и кастрацию.

Провозглашаемая нами эпоха — это эпоха народов с выраженной иерархией. Другими словами, это специфическое общество людей, обретших самих себя: личностей. Ибо мировоззрение, основанное на дифференциации, порождает гуманизм, который не должен стыдиться ни своих привилегий, ни своих прав. Потому что он соответствует жизни, ее многообразию и ее основополагающему неравенству. И из этого неравенства он черпает единственное достоинство, которое не страдает от слабостей и часто противоречивых моральных предписаний. Это достоинство человека, рассматриваемого в рамках иерархии, который может сохранить свою идентичность и отграничить себя от других людей благодаря своему ха-

рактору. И наконец, это гуманизм в единственно возможном контексте, который не страдает от какой-либо метафизической фикции, потому что он органичен, потому что он опирается на законы жизни: на народ.

Движение как знак нашего воплощения

Несколько решительных европейцев, осознающих как истоки своей истории, так и ее специфику, объединились для основания «Семинара Туле». Завтра он создаст для народов Европы Отечество и новые культурные ценности.

Стратегическая альтернатива

«Семинар Туле» — это объединение для интеллектуального общения и синтеза. Его цель — новое определение европейских ценностей на метаполитическом уровне мышления. Какое-либо политическое действие с нашей стороны или связь с любой политической организацией исключены. Наша деятельность — это исключительно стратегия культурного противостояния, применение мышления и актуализация идеи.

«Семинар Туле» действует как своего рода катализатор, направляя интеллектуальное родство отдельных людей к общей цели. К духовной связи добавляется человеческая, которая может превратить обычное членство в личную приверженность. Однако это требует, чтобы сплоченность, чувство общности и внутреннее равноправие определяли межличностные отношения внутри Семинара.

«Семинар Туле» разрабатывает совершенно новую концепцию. Она касается, во-первых, глобальной мировоззренческой критики учения о равенстве. Эта критика необходима, так как она ляжет в основу анализа, позволит

сформулировать метод (майевтику), определить образ действий и применить стратегию. На втором этапе это должно привести к осознанию альтернативы. Связанное с этим новое определение культурных ценностей позволит сформировать новый образ жизни, новый мир, новую судьбу. Судьбу в шпенглеровском смысле, согласно которому наша свободная воля и есть наша судьба.

«Семинар Туле» стремится прежде всего пробудить осознание народной идентичности, что помогает лучше познать и понять человека. Роберт Ардри сказал в этой связи, что мы стремимся к идентичности, как растение тянется к свету.

Стратегия как знак нашей приверженности

Ясность всегда была тайным оружием стратегии. Но мы не должны обманываться. Учение о равенстве близко к своему окончательному воплощению. Учение о дифференциации пока не видит своего скорого воплощения и даже рискует потерпеть неудачу. Это несоответствие между временем и зрелостью может стать для нас роковым, если мы растратим силы на излишнее теоретизирование, вместо того чтобы вложить их в практический проект. Однако это несоответствие может быть нам и полезно, если мы, учитывая многочисленные противоречия эгалитарного общества, которые открываются при простом взгляде на повседневную реальность, сможем четко формулировать темы для дискуссий и доносить ясную позицию.

Вызов

Учение о равенстве господствует в наше время. Оно давно уже не просто проект. Оно стало социологическим феноменом. Мы должны понять, что повседневное во-

площение идеи само творит ее истину. Следовательно, учение о равенстве станет истиной завтрашнего мира, если оно станет правилом жизни или жизненным ориентиром для народов. В этой перспективе «Семинар Туле» понимает себя прежде всего как вызов. Нам надлежит найти более высокую истину, которая будет означать больше субстанции, излучать больше внутренней логики, обладать большей убедительной силой. Для этого необходимо уловить и сформулировать новые ценности.

Мы должны определить альтернативу, которая предоставит Европе такое развитие, при котором ее специфика и мировоззрение больше не будут подвергаться сомнению.

Цель «Семинара Туле» как школы новой культуры — это новое определение сегодняшней воли к эффективному воздействию всех индоевропейских истоков на европейский гуманизм завтрашнего дня.

Доктор Петер Биндинг

ОБРЕТЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ. ЕВРОПА МЕЖДУ САМООТРЕЧЕНИЕМ И НОВЫМ САМООПРЕДЕЛЕНИЕМ

Через все встречи президента Франции с высшими представителями Германии во время его государственного визита в июне 1980 года красной нитью проходили слова Валери Жискар д'Эстена. Он постоянно и настойчиво говорил о необходимости объединить усилия, чтобы «спасти Европу от угрожающей ей тени и вернуть ей добавляющую мощь и влияние в мире».

Это не было просто дипломатическим пафосом. Это было страстное воззвание, попытка пробудить видение возрождения «ветхого» континента. Европа должна подняться из состояния слабости, обрести свою собственную, определяющую ход истории силу и занять на мировой политической арене место, соответствующее ее великому прошлому.

Процесс утраты ее значения становится все более очевидным. Европа уходит с авансцены мировой политики в «дом престарелых» мировой истории. Там лавры за ее бывшие блестящие роли рассыпаются в прах. Одни с музейным восхищением смотрят на блекнувшие фрески прошлого, другие старательно принижают ее исторический ореол, третьи насмехаются над ее устройством.

Веками Европа могла считать себя центром мировой истории, ведущей силой Земли. Она посылала на все континенты своих миссионеров и колонизаторов, купцов и инженеров. Ее представления об обществе и государстве становились общим достоянием старых и новых стран. Ее культуру и цивилизацию копировали повсюду — от европейских длинных штанов до музыки Вагнера. Другие народы оснащали свои страны ее техническими достижениями. Сегодня они уже не могут существовать без газет, телефона, телевидения, автомобилей, самолетов, электроники и атомного оружия.

Но после раздела мира в Ялте в 1945 году, с появлением двух сверхдержав, разделивших мир на сферы влияния, с освобождением стран Третьего мира и возвышением Японии и Китая, Европа утратила свою ведущую роль, некогда отведенную ей в «концерте народов». Ей грозит опасность быть раздавленной между блоками, обогнанной другими народами, вытесненной с мировых рынков из-за лучших продуктов, более высокой трудовой морали и готовности работать у конкурентов. Из-за падения рождаемости, на фоне демографического взрыва в других странах, Европа стареет. В то же время ее наводняют потоки иностранных рабочих и беженцев другой расы, которых невозможно интегрировать. А культурно ее дезориентируют американское и коммунистическое влияние.

Другие народы больше не считают Европу бесспорным образцом для подражания. Напротив. Исламский мир начинает резко отворачиваться. После постколониального периода открытости и к Западу, и к Востоку, все громче звучат голоса, предупреждающие о западном влиянии как о чем-то сатанинском. Влиятельные круги видят в сегодняшней Европе общество, погрязшее в поверхностном материализме, мир без культуры, мир пошлости и безнравственности, мир атеизма и безверия.

Потеря связей

А что чувствует сама Европа? Неуверенность, ощущение бездонности под ногами, чувство угрозы и беспомощности, смутные страхи охватили европейцев как никогда раньше. Никакие узы, никакая опора больше не кажутся надежными. Древние институты — брак, семья, государство, церковь — стали предметом сомнений. Школы, университеты, суды, полиция — авторитеты пошатнулись и унижены. Признанные знания, существующие законы, унаследованные духовные порядки — все подвергается сомнению. Разъедающий скептицизм подогревает недоверие ко всему. Мораль, этика, религия умирают, теряя свою убедительную силу. Ценности как таковые утрачивают всякую обязательность и, осмеянные и очерненные, превращаются в свою противоположность. Все выдающееся в истории и современности — примеры для подражания, элита — принижается и разоблачается. Многообразие человеческой природы подгоняется под низший стандарт «равенства» и всего того, чего можно достичь без усилий и труда.

Но потеря всех связей отбрасывает человека обратно к его собственному суженному «я», лишенному отношений с другими. Люди превращаются в атомы среди атомов, будучи разобщенными. Из холода и изоляции они сбиваются в безликую массу, чтобы потом снова разбежаться в точечное, аутичное одиночество. Они замыкаются в эгоистическую скорлупу, сосредоточены только на себе, внутренне напряжены. Их разъедает внутренняя пустота и чувство полной бессмысленности существования. Согласно опросу Института Алленсбаха, это состояние уже охватило треть населения Федеративной Республики Германии.

Потеря связей и внутренней опоры, чему способствовало и слишком «либеральное» воспитание нынешней

молодежи, усиливает чувство незащищенности, ощущение, что ты брошен на произвол так называемой «свободы». Эта свобода таит в себе особые опасности для настоящего и будущего. С одной стороны, она ослабляет защитные силы человека. В своей жажде заполнить внутренний вакуум он становится уязвимым для тоталитарных идеологий и нетерпимых догм. С другой стороны, разрушая внутренние запреты, она высвобождает террористическую агрессию и радикализм. Других людей она ввергает в невыносимый экзистенциальный страх. Этот страх толкает их на поиски забвения и опьянения любыми способами: через удовольствия и острые ощущения, через экстаз рок-музыки, шума и бешеной скорости, через алкоголь и наркотики, через оккультизм и религиозные практики восточных сект. Все это лишь довершает потерю чувства реальности и собственной идентичности, которая и является движущей силой этих процессов.

В зеркале современного искусства

О предощущении и отражении этого разрушающего жизнь «жизненного чувства» атомизма свидетельствует искусство, как это всегда и бывает.

Начиная с ухода искусства от человека и человеческого, с расчленения и разрывания целостного образа человека (например, у Пикассо), начинается поворот к внечеловеческому и неестественному. Этот антигуманизм и антинатурализм со стремлением «максимально удалиться от природы» ведет к разрушению любой структуры. Предметы вырываются из своих органических и смысловых связей. Происходит распад формы и формообразования. Вместо художественных законов и перспективы приходит «топография случайности». Предмет, вырванный из целостных связей, повисает

в пустоте как изолированный объект. Или же, резко отделенный, он «расставляется» в чисто случайном, холодном соседстве с другими «объектами», лишенном для него всякого смысла и связи.

Те же тенденции разложения и расчленения, распада целостного и осмысленного в современном искусстве повторяются и в современной музыке. Арнольд Шёнберг и Венская школа отказываются от тонального центра и от мелодико-гармонической системы связей. В двенадцатитоновой музыке отдельные, теперь уже лишенные связей, вырванные из формы и порядка, совершенно изолированные ноты помещаются в звуковое пространство. Оно бессмысленно заполняется чисто механическими и случайными комбинациями звуков и остается стерильным, бездушным, безжизненным.

Не случайно для описания этого явления в разных видах искусства используются одни и те же слова, словно по сговору: разобщенный, изолированный, точечный, случайный. Это искусство, которое только комбинирует, конструирует и вычисляет, ведет в хаотические области.

Утрата многомерности человека

Что же случилось с образом человека, что случилось с самим человеком? Образ человека у всех великих европейцев, включая даже еретиков всех народов и времен — у грека Гераклита, немца Майстера Экхарта, француза Мальбранша, итальянца Джордано Бруно, у Гёте, Гегеля, Гёльдерлина, да и у современного физика Жана Э. Шарона в его книге «Дух материи» — показывает одно: человек принадлежит нескольким измерениям. Он всегда одновременно конечен и бесконечен, обусловлен и безусловен.

Просвещение, начавшееся в XVII–XVIII веках, отвергло христианскую веру в Откровение. Оно перенесло божественное начало из человека в потустороннюю личность Бога и тем самым вообще отвергло метафизическое измерение. В результате человек, лишенный христианством его божественности, съезжился до чисто материального трехмерного существа. Он остался без всяких связей, без всякой опоры в мире, по которому с тех пор прокатывались все новые волны материалистических мировоззрений. Осталась реальность чистых «фактов», лишь того, что «дано» уму и чувствам — без глубины, без основания. Остался человек без корней и без защиты, чья сущность и целостность были разрушены.

Искусство показывает нам упадок образа человека, который стал всего лишь вещью среди вещей. Это изображается как нарушение и разрушение в самом человеке. Те его измерения, которыми он выходит за пределы материального мира, оказались отвергнутыми.

Разве эта клиническая картина, которую являет сегодня европейский человек,

— с его отрицанием метафизики, сведением сознания и реальности только к физическому, материальному, доказуемому и абсолютизацией материи,

— с бездуховностью его поэзии, живописи, музыки, его культуры, с распадом ценностей, унижением всего благородного, нивелированием всех различий до самого низкого уровня, с многочисленными попытками бегства, ухода от реальности и ответственности в утопическое, дотехническое «альтернативное» существование,

— с его страхами и страданиями от бессмысленности пустой жизни, его зависимостями, от которых он ищет забвения в опьянении и экстазе,

— с упадком сил терпеть и преодолевать неприятности и боль, с подверженностью примитивному удовлетворению инстинктов без способности к дисциплине и самообладанию, даже самоопределению, —

разве все это не указывает на далеко зашедший упадок Европы, который уже вскоре должен закончиться тем самым жалким существованием в тени, о котором говорил Жискар д'Эстен в Бонне? Разве это не подтверждает прогноз немецкого философа и культуролога Освальда Шпенглера (1880–1936), родившегося сто лет назад и считающегося пророком «Заката Европы»?

Тезис Шпенглера о «необратимом конце»

Что он имел в виду? Шпенглер видит во всемирной истории зрелище множества различных, независимых друг от друга культур. Они, подобно живым организмам, по внутреннему закону расцветают и созревают примерно за тысячу лет. А затем, воплотив заложенную в них идею, «совокупность своих внутренних возможностей», они застывают и умирают. Когда культура (как Шпенглер в 1922 году диагностировал относительно западной) вступает в фазу цивилизации, она приближается к своему завершению, к стадии смерти, к «концу, необратимому». Этой «неизбежной судьбе», полагал Шпенглер, мы не можем воспрепятствовать. Нам остается лишь «мужественно пройти до конца путь, который нам предназначен. Другого нет. Держаться на утраченном посту без всякой надежды — вот наш долг».

Шпенглер не был ни первым, ни последним, кто представлял историю как процесс, подчиненный жестким, неизменным законам. Итальянец Вико и немецкий исследователь Африки Фробениус также предполагали наличие закона роста и упадка народов, подобного закону природы. Против них Монтеस्कьё, Гердер и Якоб Буркхардт оспаривали такую предопределенность в истории. Они признавали за духом способность и возможность превратить упадок в новое рождение.

Неужели Европа обречена увядать и отмирать, как растение? Указывает ли эта удручающая картина болезни на ее неизбежный, необратимый конец, на полное духовное и биологическое истощение европейца, на неуклонное угасание его культуросозидающих сил, на его окончательный уход с исторической сцены?

Или же Европа, скорее, вступила в фазу глубокого перелома, когда старое рушится и падает, а новое уже готово возникнуть из-под обломков?

Распад «христианско-западного» периода Европы

Разве слова Шпенглера о «закате Запада» не описывают реальный, происходящий у всех на глазах исторический процесс *в более узком, буквальном смысле*? И разве все симптомы не указывают на это? Разве Европа не переживает сейчас закат одной совершенно определенной *эпохи* своей истории? А именно — конец двухтысячелетнего периода «христианского Запада»?

«Христианский Запад», как показывают его название и идеи, *определял себя не из себя самого*. С одной стороны, источник, точка отсчета и символ его христианской сущности находились за пределами Европы. Там, где Бог в облике Иисуса Христа ходил по земле как человек, был распят и воскрес. Священный Иерусалим был для него символом Царства Божьего на земле в лице церкви, а Небесный Иерусалим — символом Царства Божьего в вечности. С другой стороны, «Запад» определял себя через противопоставление исламскому «Востоку». Из этого противопоставления он черпал свою идентичность и самосознание, защищал их, хотя и не признавал своего культурного заимствования от Востока.

Но сегодня не только исчезло напряжение между Западом и Востоком, сменившись партнерским сосуществованием. Оно даже переросло в зависимость Европы

от арабских нефтяных стран, особенно на фоне растущего самосознания ислама. Уже давно саму сердцевину Европы разъедает секуляризация, идущая с XVIII века. Духовное и религиозное содержание, определявшее ее сущность как христианского Запада, истощается и вымывается. И даже массовая эйфория при появлении Папы Римского (человека, занимающего этот пост) не может скрыть этого упадка.

Не является ли именно умирание этой религии, формировавшей Запад на протяжении двух тысячелетий, причиной того, что после неизбежной, медленной утраты христианского Бога в европейце образовалась зияющая пустота? Эта пустота и вызвала разрушительную потерю смысла, а с ней — экзистенциальную несвязанность и полное отсутствие трансценденции. А отсюда и все страдания: атомизация человека, его безродность и бездомность, бегство в нигилизм и всяческий экстремизм, в болезни и самоубийства, его кочевая оторванность от природы и истории, его страхи и отчаяние. Короче: полная утрата идентичности.

Европеец должен выйти из этого глубокого самоотчуждения и вернуться к себе. А это значит: вернуться к своим истокам, чтобы через них познать свою сущность, свою идентичность и вновь обрести ее. Будущее Европы будет зависеть от того, сможет ли она наконец, черпая из источников своей подлинности, обрести свою аутентичную целостность, включающую все человеческие измерения, и непоколебимую верность себе самой. Только это даст европейцу силы стать личностью, создающей ценности и культуру, и построить европейскую Европу, опирающуюся на свои лучшие качества.

Без этого Шпенглер окажется прав, и закат «Запада» станет концом Европы.

Возвращение к истокам

Каковы же эти истоки, к которым должен вернуться отчужденный от себя человек, чтобы обрести свою собственную и прочную идентичность? Это касается людей всех народов и рас, каждого по-своему. Будь то вестернизированный азиат, чье мышление искажено западным техническим подходом. Или араб, оторванный от корней европейским колониализмом. Или беженец из Вьетнама, который на чужбине, потеряв свой внутренний мир, теряет и всю свою личность. Или европеец, потерявший корни, отчужденный чуждыми идеологиями. Прототипом такого безродного человека, отрекшегося от всех источников своей жизни и сущности и полностью утратившего идентичность, является Карл Маркс. Он спроецировал свое глубокое самоотчуждение на весь мир, что привело к катастрофическим последствиям исторического масштаба.

Вот эти истоки:

1. Мать, родители, семья.
2. Родной дом и Отечество.
3. Народ и история.
4. Мир ценностей предков.
5. Природа и Вселенная.
6. Религиозная сфера и божественное измерение.

Источники формирования идентичности: мать

Сможет ли европейский человек полностью стать самим собой и обрести внутреннюю опору, сможет ли он, особенно в нашем сложном, высокотехнологичном мире, чувствовать себя в жизни как дома или останется бездомным, будет ли он готов действовать и брать на себя ответственность или же будет испытывать страх и бежать от мира — это решается уже в первые недели и месяцы его

детства. Положительное отношение к себе, к обществу, к реальности, к жизни не возникнет, если с самого рождения он не испытал любящей заботы матери. В ее руках, нет, в прикосновении ее тела, в контакте с ее кожей, с ее грудью, в обращенном к нему лице, во взгляде ее глаз — зарождается базовое доверие и базовая надежда. Здесь начинается укоренение в бытии, которое позволит впоследствии беспрепятственно развиваться всем его внутренним силам. Благодаря надежному и регулярному удовлетворению его потребностей, нежному звуку материнского голоса, взаимности взглядов и улыбок ребенок получает сознание того, что его принимают, что он в безопасности, что его любят и что он достоин любви. Так он обретает чувство собственной ценности.

Здесь происходит первое включение в социальные связи и первая социальная привязанность. Здесь же закладывается и сама способность к привязанности, основа для внутренней свободы выходить за пределы себя к другим людям и вещам. Глубокая взаимосвязь матери и ребенка определяет все последующие отношения человека: к самому себе и к действительности, к партнеру в любви и браке и к другим людям. Она определяет, будет ли его последующая самоотдача жизни, наполненной ценностями, позитивной, уверенной и сильной, или же его существование окажется пустым. Она определяет его человечность, способность к самоотречению и ответственности, его умение справляться с жизненным путем и судьбой. От успешности взаимных отношений в диаде мать-ребенок и отец-ребенок зависит, обретет ли человек прочную личностную целостность.

Это развитие к человеческой самости и целостности в первые дни жизни, в теснейшей общности семьи, ничем не заменимо и невосполнимо. Его значение для укоренения и внутренней свободы невозможно переоценить.

Признать и укрепить ценность семьи для всего дальнейшего развития ребенка — сегодня это часто ставится под сомнение, подвергается нападкам и отрицанию — жизненно необходимо для отдельного человека, для народа и для существования будущей Европы.

Начатое таким образом формирование идентичности имеет и более широкое значение. Оно не только является предпосылкой для любой способности к привязанности — оно само получает дополнительную силу от последующих связей. Возникает взаимодействие. Возможное благодаря этому укоренение человека в его истоках (родина, народ, история, трансценденция), в свою очередь, еще более полно и глубоко укрепляет его идентичность.

Укоренение в ландшафте, на Родине, в Отечестве

Сегодня считается презренным, немодным, сентиментальным, подозрительным в плане эмоций или, что еще хуже, папахивающим «реваншизмом», а некоторым даже опасным, напоминающим идеологию «крови и почвы», приписывать привязанности к Родине непреходящую ценность. Как ни странно, часто это делают те же люди, которые носят наклейки «Дерево? Нет, спасибо!» с требованием отказа от вырубki леса. Такое очернение, под каким бы знаком оно ни происходило, само по себе является симптомом безродности.

«Родина» (нем. *Heimat*, от древневерхненемецкого *heimoti*, *heimodil* — место проживания рода) означает окружение родительского дома, в котором ребенок открывает для себя мир и завязывает первые связи с ним. Это пространство его детства, в которое он погружен через тысячу маленьких событий, которое сформировало его

своим ландшафтом, своими людьми, их языком, их обычаями и традициями и которое продолжает жить в нем.

Безусловно, ландшафт — будь то дикая природа прямо перед родительским домом или начинающаяся чуть поодаль — особенно сильно участвует в этом процессе. Его свет, его цвета, формы и очертания запечатлеваются в юном сознании и становятся частью его внутреннего мира. Это внутренний ландшафт, который человек носит в себе всегда. Будь то широкие небеса, равнины и моря, крутые скалы и высокие вершины или тенистые леса и озера — где бы он ни встретил их потом, в похожей местности или вновь оказавшись там, они отзываются в нем, и он чувствует, что его позвали, приняли обратно, что он вернулся домой. То, что человек бессознательно получает, будучи несомым своей Родиной, та сохраняющая, оберегающая, укрепляющая сила, которая вырастает из чувства защищенности, привычности, безопасности и надежности принадлежности к этому месту — все это острее, усиленное отсутствием и тоской, осознает только тот, кто возвращается домой. А еще есть тот, кому в возвращении на Родину отказано!

Конечно, чувство Родины труднее развивается во все более раздробленном и заасфальтированном культурном ландшафте и в людской пустыне больших городов, чем в деревне и сельской местности. И все же в конечном счете оно не привязано ни к красотам природы, ни вообще к сельским районам. Эрнст Мориц Арндт, пожалуй, нашел самые точные слова для этого: «Где тебе впервые засияло Божье солнце, где тебе впервые засветили Его звезды, где Его молнии впервые явили тебе Его всемогущество и Его бури со священным ужасом пронесли по твоей душе — там твоя любовь, там твое Отечество!

Где первый человеческий взгляд с любовью склонился над твоей колыбелью, где твоя мать впервые с ра-

достью держала тебя на коленях, а твой отец запечатлел в твоём сердце уроки мудрости — там твоя любовь, там твоё Отечество!

И будь то голые скалы или пустынные острова, и пусть бедность и нужда живут там с тобой — ты должен вечно любить эту землю; ибо ты человек и не должен забывать, а должен хранить в своём сердце!»

Сильные чувства к родине способен пробудить даже такой безличный город, в который человек врос всем своим существом с детства, который он проносит через всю жизнь как жгучую любовь. Особенно если этот город, как Дрезден, был поглощён пламенем и пеплом или если возвращение домой навсегда закрыто границами, стенами и автоматами. Именно в тоске по Родине (Heimweh) человек с болью осознаёт, что такое Родина и какова её сила. Впервые слова «Heimweh» и «Heimsucht» (тоска по родине) использовал в 1678 году врач из Базеля, описывая недуг души, который часто поражал швейцарских наемников на чужбине.

Связь через народ, язык, историю

Укоренение на Родине получает свой дальнейший горизонт через укоренение в Отечестве, народе и нации как судьбоносных сообществах. Их объединяют общий язык и культура, общая участь и история.

Эта связь имеет высочайшее значение для формирования идентичности европейского человека. Ведь только признание и уважение национального и культурного многообразия европейских народов, понимание и почтение к другим национальным особенностям в их своеобразии и собственной ценности позволяют достичь того созвучия, в котором нуждается Европа, обретая себя.

Понимаем ли мы еще, какое значение имеет язык для развития личности? Не все равно, на каком языке и в какой системе мышления вырастает человек или народ. Язык — это не взаимозаменяемая система слов-оболочек. Это выражение особого способа мышления народа. Он формирует сознание каждого ребенка определенным образом, и этот образ в дальнейшем будет определять то, как ребенок будет смотреть на мир, переживать его и формировать. Засилье иностранных слов в языке, упрощение, снижение уровня и вульгаризация, поощряемые школами в русле идеологии равенства, которые мы наблюдаем сегодня — это очень серьезные сигналы. Они говорят об ослаблении способности к самоутверждению, о подверженности любому духовному влиянию и самоотречении, что способствует дальнейшему отчуждению, подверженности чужому культурному влиянию и, прежде всего, примитивизации мышления.

У человека, потерявшего корни, нарушены отношения со временем, с протяженностью и преемственностью, с традицией и историей. У немцев к этому добавляется систематическое разрушение «метафизической чистой совести» и удовольствие от разжигания и поддержания чувства вины. Поколение родителей в целом забрасывают обвинениями, а всю немецкую историю стремятся свести к преступному знаменателю. Результатом стала фатальная склонность вообще отворачиваться от истории. Хуже того: отказ идентифицировать себя с собственной нацией, сделать ее источником нашей готовности к действию и самоотдаче, к взаимной поддержке и жертвенности.

Историки верно отмечают: «История не дает настоящему рецептов и едва ли учит чему-то. Она дает примеры для подражания». Хотя нельзя отрицать, что история способствует познанию собственной сущности и характера других народов, а также заложенных в них

возможностей. Она помогает понять, что способствует опасностям и негативным тенденциям, а что — укреплению и утверждению их ценностей.

Больше, чем события и ход вещей, людей привлекают именно эти примеры для подражания, в которых воплощены лучшие силы собственного народа и его духовная традиция. Их ищут люди, по ним прежде всего тоскует молодежь. Молодые люди хотят жить, следуя этим примерам, которые живут и действуют в них, дают им ориентиры и указывают путь, формируют их личность и идентичность.

Для существования человека и формирования его идентичности совсем не безразлично, считает ли он себя изолированным во времени и пространстве субъектом. Субъектом, балансирующим в точке пересечения окончательно ушедшего прошлого и начинающегося будущего, в бессвязном настоящем, которое постоянно утекает. Субъектом, который идет своим путем без «оглядки», не чувствуя ответственности ни перед кем и ни перед чем. Или же он принимает свою судьбоносную, бесконечную включенность и переплетенность со всеобъемлющими национальными и историческими «пространственно-временными формами». Эти формы питали и формировали его из сотен корней, они суть в нем и излучаются через него, и они же обязывают его как члена и соучастника целого. Принимает ли он ответственность за бывшее и то, что продолжает жить в нем, своей собственной жизнью. Ибо укорененный в истории чувствует свою связь с прошлым; своей жизнью он должен также хранить своих мертвых, своих предков, чтобы иметь возможность создавать подлинное будущее.